

Классификация стилистически окрашенной лексики русского языка

ЕВГЕНИЯ Ф. ПЕТРИЩЕВА, СЕРГЕЙ Д. ПЕТРИЩЕВ
(Москва)

В основе представленной ниже классификации стилистически окрашенной лексики современного русского языка лежит признание дифференциальным признаком этой лексики непредметной стилистической информации, заключенной в ней по языковым представлениям носителей литературного языка. Соответственно ее закреплённость за определенными условиями общения и ее стилистическая окраска признаются признаками производными (не в историческом, а в синхронном плане).

По указанному признаку выделяется 4 типа стилистически окрашенной лексики: лексика, содержащая в себе сведения о сфере общения (функционально окрашенная лексика), лексика, несущая в себе сведения о говорящем (социально окрашенная лексика), лексика, включающая в себя оценку обозначаемого (экспрессивно-оценочная лексика), лексика, содержащая в себе оценку обозначающего, самого знака (эстетически-оценочная лексика). Основанием считать их разными типами является то, что между ними нет отношений зависимости, отношений общего и частного. Лексическая единица может заключать в себе не только информацию какого-либо одного, но и разных типов (один из них при их совмещении обычно выступает как доминирующий), что говорит о частичном наложении названных типов друг на друга.

Классификация типов исследуемой лексики представлена в виде отдельных схем. Взаимоотношения выделенных в их составе групп лексики

- это прежде всего отношения общего и частного, дающие основания для выделения подтипов, видов и разновидностей. Информация одинакового ранга может накладываться одна на другую, может быть противопоставлена одна другой или существовать параллельно. К сожалению, тесные рамки статьи вынуждают ограничиться только самыми общими комментариями к этим схемам. Взаимоотношения самих типов характеризуются только вербально.

Функционально окрашенная лексика (схема 1). Наименование ее условно: оно не соответствует особенностям лексики данного типа. Эта лексика делится на два противопоставленных подтипа. Один из них - лексика, характеризующая сферу общения как обиходно-бытову (и тем самым сообщая, что может быть употреблена без специальной мотивировки в обиходно-бытовых условиях общения). Другой - лексика, характеризующая сферу общения как внебытовую. Признавая условность терминологии, оставляем за этими подтипами традиционные наименования разговорная (разговорно окрашенная) и книжная (книжно окрашенная) лексика.

Разговорная лексика (схема 1.1). Как правило, эта лексика характеризуется как обиходно-бытовые обозначаемый предмет (в употреблении - предмет речи), взаимоотношения между участниками речевого акта, форму речи - в разных комбинациях. Наиболее многочисленны слова, которые характеризуют обозначаемый предмет как принадлежность обиходно-бытовой сферы жизни и общения, если он существует и в других сферах (*картошка, манка, перловка*), или же указывают, что предмет, принадлежащий какой-либо надбытовой сфере жизни и деятельности, рассматривается с позиций обиходно-бытовых (*глазник, ушникбязвенник*). К числу слов, которые характеризуют устную форму речи как специфическую для обиходно-бытового общения, принадлежат, например, *видно* в значю вводного слова, *ведь* (и как союз, и как частица), частица - *то*.

Книжная лексика (схема 1.2) также включает в себе в разных комбинациях информацию об обозначаемом предмете, взаимоотношениях между общающимися, форме речи, а кроме того, о назначении речи (коммуникативном задании) и так называемом способе изложения. Эти экстралингвистические факторы характеризуются как надбытовые, причем в одних случаях как более, в других как менее отдаленные от бытовой повседневности. При этом книжная окраска слов оказывается при явной ее однородности более или менее интенсивной. Сравните слово *полагать*, которое характеризует взаимоотношения адресанта и адресата речи (первый пред-

стает как человек, более авторитетный, занимающий более высокое положение), официальные наименования *картофель*, *кинотеатр*, которые указывают, что содержание речи имеет практическое значение, *в качестве*, *с тем чтобы*, которые сообщают о своей закреплённости за речью, в которой рассматриваются причины и следствия, значение чего-либо, союз *ибо*, высказывания с которым приобретают характер умозаключений.

Очевидно, что различия в степени отдаленности названных факторов речи от обиходно-бытовой жизни и общения, равно как и различия в интенсивности книжной окраски не являются основанием для деления книжной лексики. Слова, подобные приведенным, составляют пласт общекнижной лексики, которая делится на накладывающиеся друг на друга разновидности: лексику, характеризующую как надбытовую а) предмет речи, б) ее форму, в) взаимоотношения говорящих, г) назначение речи, д) способ изложения.

Информация о закреплённости за речью, обслуживающей несколько (без конкретизации) специальных сфер жизни и деятельности - научную, административно-управленческую, производственную создает уже качественно иную окраску. Срю: *ввиду*, *вследствие*, *указанный*, *названный*. Особую окраску имеют и слова, указывающие на свою принадлежность к какой-либо одной из этих сфер общения, и специальные термины, широко известные и имеющие эквиваленты среди стилистически нейтральной или обиходно-бытовой лексики (*вменять*, *проживать*, *опознать*, *пневмония*). Очевидны основания для признания общеспециальной лексики видом книжной лексики, слов, закреплённых только за научными, только за официально-канцелярскими и т.п. текстами - ее подвидами, а терминов - разновидностями соответствующих подвидов.

Таким образом, книжная лексика, в отличие от разговорной, делится по двум признакам: по признаку характеристики ею экстра-лингвистических факторов общения и по признаку ее принадлежности специальным сферам общения.

Социально окрашенная лексика (лексика, характеризующая говорящего, схема 2). Наименование ее также условно, потому что к ней относятся слова, которые характеризуют не только собственно социальное положение говорящего, но и его отношение к литературному языку, возраст и т.п. Трудности систематизации этой лексики вызваны не только разнообразием и пестротой заключенной в ней стилистической информации, что осложняет задачу установления иерархии и взаимоотношений между ее

подразделениями, но и тем, что она находится на пересечении стилистического подхода к средствам языка с подходом нормативным, при котором языковые элементы делятся на соответствующие и не соответствующие нормам литературного языка, и с подходом диалектологическим, в соответствии с которым они делятся по признаку их реальной принадлежности тем или иным социальным или территориальным диалектам.

Между нормативностью - ненормативностью языковых фактов и заключенной в них по языковым представлениям говорящих на литературном языке информацией имеется некоторая соотносительность. Слова типа *вчера*, *ежели*, *перво-наперво*, *откуда*, *кочет*, *огорожа* и т.п., относящиеся к ненормативной лексике, характеризуют отправителя речи как лицо, не являющееся носителем литературного языка, слова же *нынче*, *воротиться*, *погодить* *бпорожний* и т.п., которые входят в состав литературного языка, хотя и располагаются на его периферии, характеризуют отправителя речи как носителя литературного языка с невысоким уровнем образования. Однако исходить при классификации социально окрашенной лексики из распределения ее по признаку литературности - нелитературности было бы неверно, поскольку существуют средства, стоящие за пределами литературного языка, но не имеющие культурно-социальной прикрепленности (таковы элементы молодежного жаргона - *балдеть*, *брод* и т.п.) и единицы, специфически интеллигентские (*модерновый*, *будь спок*, *будьте уверочки* и т.п.).

Наиболее существенными со стилистической точки зрения представляются различия функций социально окрашенных средств, и именно они должны быть положены в основу классификации таких элементов. С этой точки зрения второй тип стилистически окрашенной лексики делится на два параллельно существующих, не накладывающихся друг на друга подтипа: лексику, воспринимаемую носителями литературного языка как средство общения тех или иных групп населения, и лексику, которая воспринимается как средство отталкивания от литературного способа выражения.

Подтип первый - лексика, воспринимаемая как средство общения (схема 2.1). Он делится на два противопоставленных вида. К одному виду относятся лексические единицы, указывающие на принадлежность говорящего к той или иной группе носителей литературного языка. К другому - лексические единицы, сообщающие, что говорящий таковым не является. Лексика первого вида (схема 2.1.1) распадается на два также противоп-

ставленных друг другу и по окраске, и по стилистической информации подвида. *Нынче, воротиться, погодить, порожний* и т.п., которые, как отмечено, характеризуют говорящего как представителя интеллигенции с невысоким уровнем образования или выходца из народной среды, как раз и составляют один из этих подвигов. К другому подвиду лексики, воспринимаемой как средство общения носителей литературного языка, относятся слова *утрировать, третировать, игнорировать, манкировать, экстраординарный* и т.п. Свойственная им окраска функционально-стилистической приподнятости связана с тем, что они несут в себе сведения о принадлежности говорящего к интеллигенции с высоким уровнем образования.

Слова, характеризующие говорящего как носителя литературного языка, могут заключать в себе также сведения о принадлежности говорящего к той или иной возрастной (*весьма, крайне*) или профессиональной группе населения.

Второй вид первого подтипа - лексика, характеризующая говорящего как лицо, не являющееся носителем литературного языка (схема 2.1.2), тоже делится на два непересекающихся подвида. Один из них составляют просторечные слова - *аль, аккурат, всегда, шары* - 'глаза'. Слова другого подвида - диалектизмы (*огорожа, кочет*) сообщают, что отправитель речи является жителем местности, где говорят не на литературном языке, а на местном диалекте (или выходцем из такой местности). Уровень образования говорящего они не указывают, хотя в речевой действительности ее используют лица, недостаточно овладевшие литературным языком. Диалектизмы нет оснований делить на разновидности: в языковом сознании они, как правило, не связаны с какой-либо определенной местностью. Но просторечная лексика неоднородна. Она делится на разновидности даже не одного, а двух уровней. Разница между словами *ейный, здря, пондравиться*, с одной стороны, и *вчера, давеча, обувка*, с другой, определяется тем, что они подчеркивают разные аспекты противопоставления говорящего интеллигенции. Первые названные просторечием малограмотных, - по уровню образования, вторые (народное просторечие) - по его социальному положению. В свою очередь народное просторечие делится на деревенское просторечие (*аль, откуль, тетка Матрена*) и городское просторечие (фамильярное обращение к мужчине *браток, чикаться, лаяться, падла*), которое характеризует говорящего как представителя городских "низов". Характерной особенностью последнего

является свойственная ему экспрессия фамильярности, грубоватости, грубости. Следовательно, эта лексика принадлежит и 2-му типу и тем группам 3-го (лексике экспрессивно окрашенной), к которой относятся слова *благоверная, выпендриваться, карга*. Различие между ними обнаруживается в том, что носители литературного языка, употребляя слова типа *браток*, осознают их как элементы чуждой речевой среды (они служат для подражания представителям городских низов или их передразнивания), тогда как слова типа *благоверная* используются только в экспрессивных целях.

Второй подтип социально окрашенной лексики - лексика, характеризующая говорящего с точки зрения его отношения к литературному способу выражения, - лексика, которая воспринимается как средство отталкивания от литературного словоупотребления (схема 2.2). К этому подтипу относится сленг и жаргонизмы. Различие между ними со стилистической точки зрения состоит в том, что употребление элементов сленга воспринимается как своего рода "фамильярничанье" с литературным языком, запанибратское к нему отношение (*модерновый, потрясный, дернуть по стакашку, будь спок*; сленг низов общества - *верняк, кумпол, наше вам* и т.п.). Жаргонизмы же воспринимаются как средство обособления определенных профессиональных групп, групп, объединенных общностью интересов, занятий и т.д. Жаргонизмы не являются разновидностью сленга, потому что те и другие различаются целями отталкивания от литературного словоупотребления. Как и сленг, жаргонизмы делятся на разновидности, соответствующие их социальной закрепленности.

Лексика экспрессивно-оценочная (схема 3). Эта лексика, несущая в себе сведения об отношении языкового коллектива к обозначаемому предмету, а в речи - сообщающая об отношении говорящего к предмету высказывания, делится на три параллельно существующих подтипа: лексику оценочную, лексику, заключающую в себе сведения о собственно отношении (характере поведения, обращения) говорящего к обозначаемому и бранную лексику.

Первый подтип - оценочная лексика включает в себя лексику, которая несет в себе оценку будущую от разума, рассудка (рассудочно-оценочную лексику) и лексику, которая содержит эмоциональную оценку (эмоционально-оценочную лексику). Та и другая представляют собой два накладываются один на другой вида оценочной лексики.

Вид рассудочно-оценочная лексика в свою очередь распадается на два подвида. Один из них характеризует означаемое с точки зрения его достоинств, другой - с точки зрения его важности. Каждый из этих подвидов делится на противопоставленные друг другу разновидности. Первый - на лексику, содержащую в себе отрицательную или положительную оценку обозначаемого (как недоброкачественного - доброкачественного, не соответствующего - соответствующего нормам, требованиям, вредного - полезного) - на лексику, которая характеризует предмет как важный, социально значимый, и лексику, дающую предмету оценку как незначительному, несущественному. Лексика, заключающая в себе отрицательную стилистическую оценку (напр., *главарь, пособник, насаждать, спешка*) многочисленна. Слов же, обладающих положительной оценочностью (*инициатива, красочный, довести*), мало, и выражена она слабо. Еще меньше слов, которые характеризуют предмет с точки зрения его важности (к ним можно отнести *миссия, пост - пустяк, мелочь*). Этого рода оценка выступает обычно как признак обозначаемого предмета и имеет не стилистический, а семантический характер.

Эмоциональные оценки - это не что иное, как такие чувства, эмоциональные состояния, которые обычно вызываются, с одной стороны, предметами отрицательными или положительными, а с другой стороны, важными, социально высокими или, напротив, социально низкими. В соответствии с этим эмоционально-оценочная лексика делится на два подвида, аналогичных подвидам рассудочно-оценочной лексики, каждый из которых тоже распадается соответственно на две противопоставленных разновидности. Один из подвидов сообщает об отрицательной или положительной оценке предмета речи. Другой подвид эмоционально возвышает или эмоционально принижает его. Первый подвид представлен по преимуществу лексикой, указывающей на отрицательные эмоции, и разнообразен. Наиболее представительна лексика, выражающая пренебрежение (*мямля, рохля, мозгляк*) и презрение (*иуда, прихлебатель, прихвостень*). Большую группу составляют слова, указывающие на недовольство говорящего, на неприятие им обозначаемого предмета (*модничать, верзила, скупердяй*). Другие эмоциональные оценки и состояния или совсем не нашли отражения в лексике, или представлены лишь отдельными словами (так, *счастливчик* сообщает, что говорящий испытывает зависть). Слов, выражающих положительные эмоции (чаще всего это расположение, при-

язнь, иногда восхищение), относительно немного. Таковы *ангелочек*- о ребенке, *белоснежный* (ср. *белый как снег*), дивный.

Соотносительные рассудочные и эмоциональные оценки могут накладываться друг на друга (*картинный, вояка*). Лексические единицы, заключающие в себе только рассудочную оценку, могут принадлежать и нейтральной в функционально-стилистическом отношении лексике (*сговор*), и функционально окрашенной (*чудной*). Слова же, сообщающие о, эмоциональной оценке обозначаемого, чаще всего указывают на обиходно-бытовую сферу своего применения. Однако военщина, клика и т.п. характеризуют сферу общения как общественно-политическую.

Возвышенная лексика указывает на эмоции, естественные по отношению к предметам, возвышающимся над уровнем обыденности, общественно значимым (*воин, лазурный, изгнанник, чужбина*). Возвышенная эмоциональность может накладываться на рассудочные и эмоциональные оценки предмета как с точки зрения его достоинств, так и с точки зрения его важности, общественной значимости (ср. *тиран, чужбина - сподвижник*).

Вся эмоционально возвышенная лексика принадлежит к средствам книжным, указывающим на внебытовую сферу своего типического употребления. Но это объясняется тем, что торжественный, патетический тон наиболее характерен именно для надбытового общения, для речи публицистической, ораторской, поэтической. Отсюда следует, что возвышенная лексика не является разновидностью книжной, а принадлежит одновременно и 1-му, и 3-му типам стилистически окрашенной лексики.

Возвышенной лексике противостоит эмоционально сниженная лексика. Слова этого подвида одни в меньшей, другие в большей степени приземляют, принижают предмет речи, представляя его как нечто заурядное, не вызывающее почтения (ср. *красотка - краса-вица*), некрасивое, нелепое (ср. *шмякнуться - упасть*), безобразное, оскорбляющее эстетическое чувство или низменное, грубое (ср. *раскорячить - расставить, заржать - громко засмеяться*). От степени этого приземления зависит интенсивность окраски, что однако не дает оснований для соответствующего деления эмоционально сниженной лексики, как не дает таких оснований и то, что одни из слов не содержат в себе, а другие содержат такие признаки обозначаемого, которые оправдывали бы характер их эмоциональности (ср. *красотка-откромсать, гляделки*).

Эмоционально сниженная лексика принадлежит к разговорному слою лексики, но только потому что выражаемые ею эмоции характерны имен-

но для обиходно-бытового общения. Эта лексика может быть и социально окрашенной (*грянуться, скапуться* и т.п.).

Второй подтип экспрессивно-оценочной лексики - лексика, характеризующая собственно отношение языкового коллектива и говорящего к обозначаемому (схема 3.2), отличается от лексики эмоцио-нально-оценочной своей принципиальной безоценочностью, что и позволяет считать их разными подтипами исследуемой лексики. Наиболее отчетливо эта ее особенность обнаруживает себя в словах, указывающих на ласкательность, в которой проявляется чувство любви, нежность, умиление. Епотребляя слова *капризуля, сонуля, глупыш*, говорящий называет недостаток того или иного лица и одновременно выражает любовь и проявляет ласковое отношение к нему. Фамильярное (развязное, панибратское, без учета условностей в обращении, тоне) отношение к обозначаемому не связано с оценкой его как заурядного, малопочтенного (*благоверная, киношка, закатиться куда-нибудь* - 'отправиться куда-нибудь'). Не связано с отрицательной оценкой обозначаемого и шутливое, насмешливое или ироническое отношение к нему (*вирши, душещипательный*), снисходительное отношение (*баловень, егоза*), сочувственное (*бедняжка*), сочувственное с налетом пренебрежения (*бедолага*). Разница в характере отношения к обозначаемому дает основание для выделения соответствующих видов данного подтипа. Как правило, в силу обиходно-бытового характера выражаемого ими отношения они относятся к разговорной лексике. К немногим исключениям принадлежит, например, слово *кончина*.

Третий подтип экспрессивно-оценочной лексики - бранная лексика (схема 3.3). Она принципиально отличается как от оценочной лексики, так и от лексики, выражающей собственно отношение. Во-первых, она не выполняет номинативной функции (так, слово *хрычовка* не является наименованием старой женщины). Бранные лексические единицы сообщают сведения не об обозначаемом предмете, а о предмете, к которому они применимы в бранных целях. Хотя они и заключают в себе указание на эмоциональное состояние говорящего - раздражение, злость, но отрицательные эмоции - лишь повод к их употреблению. Назначение бранной лексики - оскорбить, унижить, задеть за живое адресата речи. На других отличиях бранных слов от слов эмоционально-оценочных останавливаться не будем, поскольку они не дают оснований для деления бранной лексики.

К 4-му типу стилистически окрашенной лексики - к лексике эстетически-оценочной (схема 4) относится лексика, которая включает в себе отрицательную (1-й подтип) или положительную (2-й под- тип) оценку языковым коллективом самого обозначающего, выполняя, таким образом, эстетическую функцию языка. Подтипы этой лексики делятся на виды в соответствии с той заключенной в словах информацией, которая определяет собой отрицательную или положительную оценку слов языковым коллективом.

Одним из видов первого подтипа этой лексики является неприличная лексика. Неприличность слов и как следствие этого их отрицательная оценка языковым коллективом порождаются распространенными в обществе представлениями об обозначаемых предметах как о неприличных. В русском языке в наше время считаются неприличными слова, обозначающие некоторые части тела, отправления естественных надобностей и мест их отправления и производные этих слов. Доказательством того, что неприличие слов - признак самих знаков, хотя и порожденный обозначаемыми реалиями, является то, что степень неприличия слов, называющих один и тот же предмет в определенный период, может быть разной, а неприличные реалии могут иметь вполне пристойное обозначение. Так, слово *задница* в наше время является неприличным словом. Ср. не столь неприличное *зад*. Но еще в середине прошлого века даже первое слово считалось вполне приличным, о чем говорит включение его В. Далем в определение слова *гузно*.

Вторым видом первого подтипа является вульгарная лексика, такие грубые, бесцеремонные, резкие слова как *блевать*, *бордель*, *жратва*, *лакать* - 'пить спиртные напитки в большом количестве', *кобель* - о похотливом мужчине. Очевидно, что грубость вульгарных слов представляет собой признак обозначаемого, а не обозначающего, в отличие от слов *бабка* - о старой женщине, *нагрузиться* - 'напиться пьяным', *напялить* на себя что-нибудь, грубость которых направлена на называемый ими предмет. Ср. также грубые бранные *сволочь*, *гадина с паскуда*, *сука*, бранность которых явно сочетается с грубостью, вульгарностью самого знака.

Вульгарная лексика не содержит в себе сведений ни о социальном положении, ни об уровне образования говорящего. Епотребляя ее, носители литературного языка никому из представителей соответствующих групп населения не подражают, никого из них не передразнивают.

Нет оснований и для объединения неприличных и вульгарных слов со сленгом и жаргонизмами, хотя между ними и есть общее. Во-первых, сленг и жаргонизмы служат для отталкивания от литературного словоупотребления, - в употреблении неприличных и вульгарных слов проявляется демонстративное пренебрежение нормами речевого этикета, характеризующего говорящего как человека грубого, беспардонного. Во-вторых сленг и жаргонизмы, как и неприличная и вульгарная лексика, вызывают к себе отрицательное отношение. Ср.: “От конкурса по владению молодежным сленгом одна мама даже хотела отказаться: таких ужасных слов она не знает. Ее уговорили, но с дистанции она сошла первой - к большому неудовольствию дочери” (Куранты, 23.7.91). Но у неприличных слов и вульгаризмов эстетическая оценочность - доминирующий стилистический признак, тогда как у сленга и жаргонизмов это признак вторичный, порожденный их функцией.

Основанием считать неприличную и вульгарную лексику разными видами 4-го типа является то, что они противопоставлены разным языковым средствам. Лексике неприличной противостоят эвфемизмы (схема 4.2) - слова и выражения, заменяющие другие, неудобные по какой-то причине (в частности, по причине их неприличия) или нежелательные в данной обстановке: *в интересном положении* вм. *беременная*, *уйти из жизни* вм. *умереть*, туалет вм. *уборная* и т.п. Словам же вульгарным должны противостоят слова и выражения куртуазные, характеризующие говорящего как человека благовоспитанного, изысканно вежливого. В современном языке их мало, и они маловыразительны (это *будьте так добры*, *сердечно благодарю* и т.п.).

Еще два противопоставленных друг другу вида эстетически оценочной лексики составляют слова, отрицательная или положительная эстетическая оценочность которых определяется их принадлежностью к некоторым группам 2-го и 3-го типа. К словам, отрицательно оцениваемым языковым коллективом, относятся, кроме сленга и жаргонизмов, слова, несущие на себе печать городских “низов” (городское просторечие) - шикозный, браток, чикаться, и просторечие малограмотных - ихний, здря. Положительную эстетическую оценку содержит в себе народное и в меньшей степени деревенское просторечие (см. схему 2.1).

Эстетическую оценку имеет также лексика, воспринимаемая как устаревшая и новая. Восприятие лексики как устаревшей далеко не всегда соответствует ее реальной неупотребительности. Такая лексика в языковом

сознании говорящих на литературном языке обычно имеет отрицательную оценку. Напротив, лексика, которая воспринимается как новая, чаще всего оценивается положительно. Это объясняется тем, что появление ее, как правило, связано с поисками “свежих” слов взамен кажущихся уже “затасканными”. Одним из видов является также лексика, которая воспринимается как иноязычная. Отношение к ней, как известно из истории языка, изменчиво: она то подвергается гонениям, то пользуется особым расположением, вплоть до злоупотребления ею, примером чего может служить наше время. Учитывая это условно относим ее к лексике с положительной оценочностью.

Итак, стилистические ресурсы лексики современного русского языка представляют собой не просто совокупности слов с однородным стилистическим значением, а сложную систему, характеризующуюся наличием определенных закономерностей сочетания разных стилистических признаков. Исследование типологии стилистически окрашенной лексики – самой многочисленной и наиболее дифференцированной части стилистических ресурсов имеет не только теоретическое значение. Его результаты важны для разработки систем стилистических помет, адекватных действительности и соответствующих типу словарей и их назначению, что позволит избежать того разнобоя в стилистических оценках слов, который наблюдается в существующих словарях современного русского языка. Полученные результаты создают также базу для общей стилистической классификации языковых средств.

A Classification of Stylistically Shaded Russian Vocabulary

In the article Russian vocabulary is classified according to the character of stylistic information it contains. The authors distinguish four types of marked vocabulary: 1. functionally shaded (containing information concerning usage), 2. socially marked (providing information on the speaker), 3. expressive-evaluative (evaluating the signified), 4. aesthetically evaluative (evaluating/referring to the sign itself).

Схема 1

Тип: Лексика, указывающая сферу своего типического употребления (функционально окрашенная лексика):

1.1 - разговорная; 1.2 - книжная)

Схема 2 (левая часть)

Тип: Лексика, содержащая в себе характеристику говорящего
(социально окрашенная лексика)

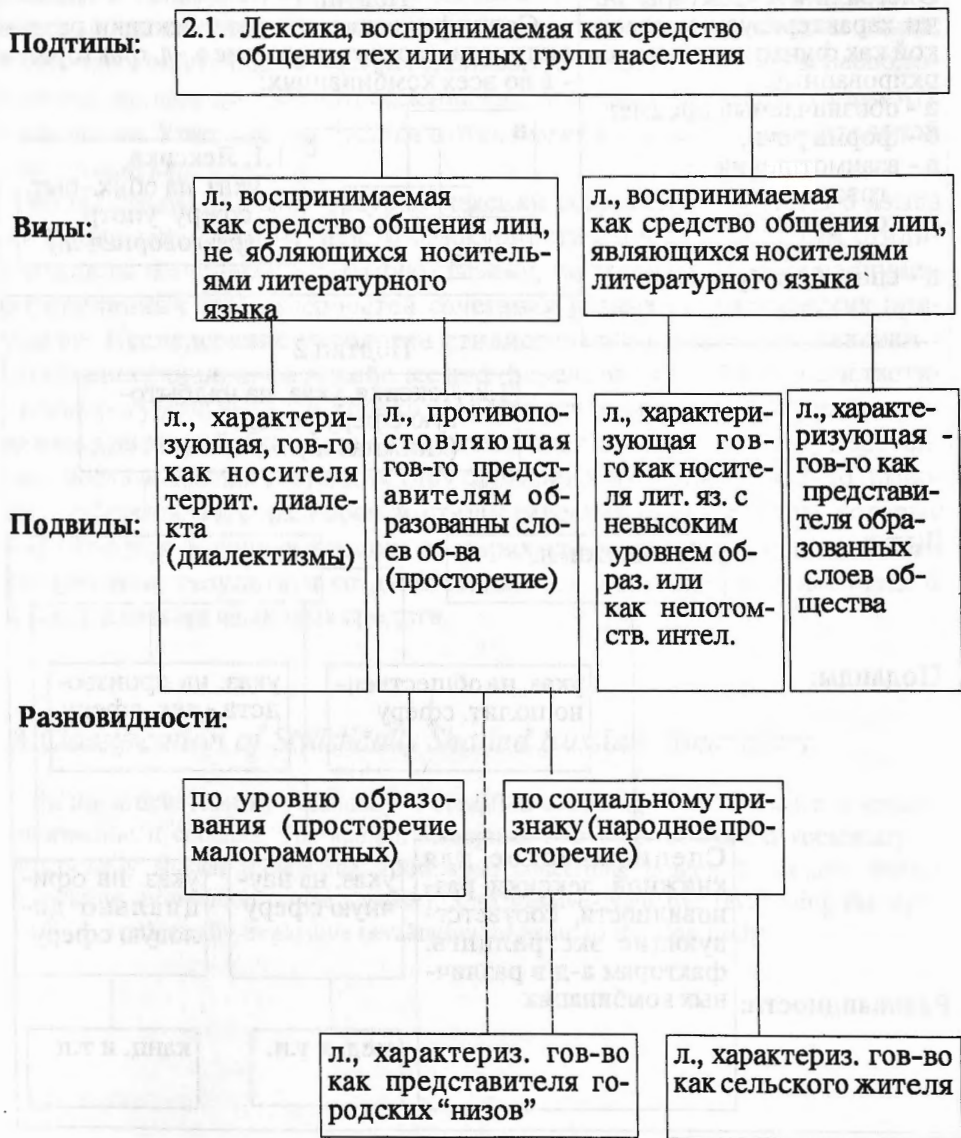

Схема 2 (правая часть)

Тип: лексика, содержащая в себе характеристику говорящего
(социально окрашенная лексика)

Схема 3 (левая часть)

Тип: Лексика, характеризующая отношение яз. коллектива к обозначаемому (экспрессивно-оценочная лексика)

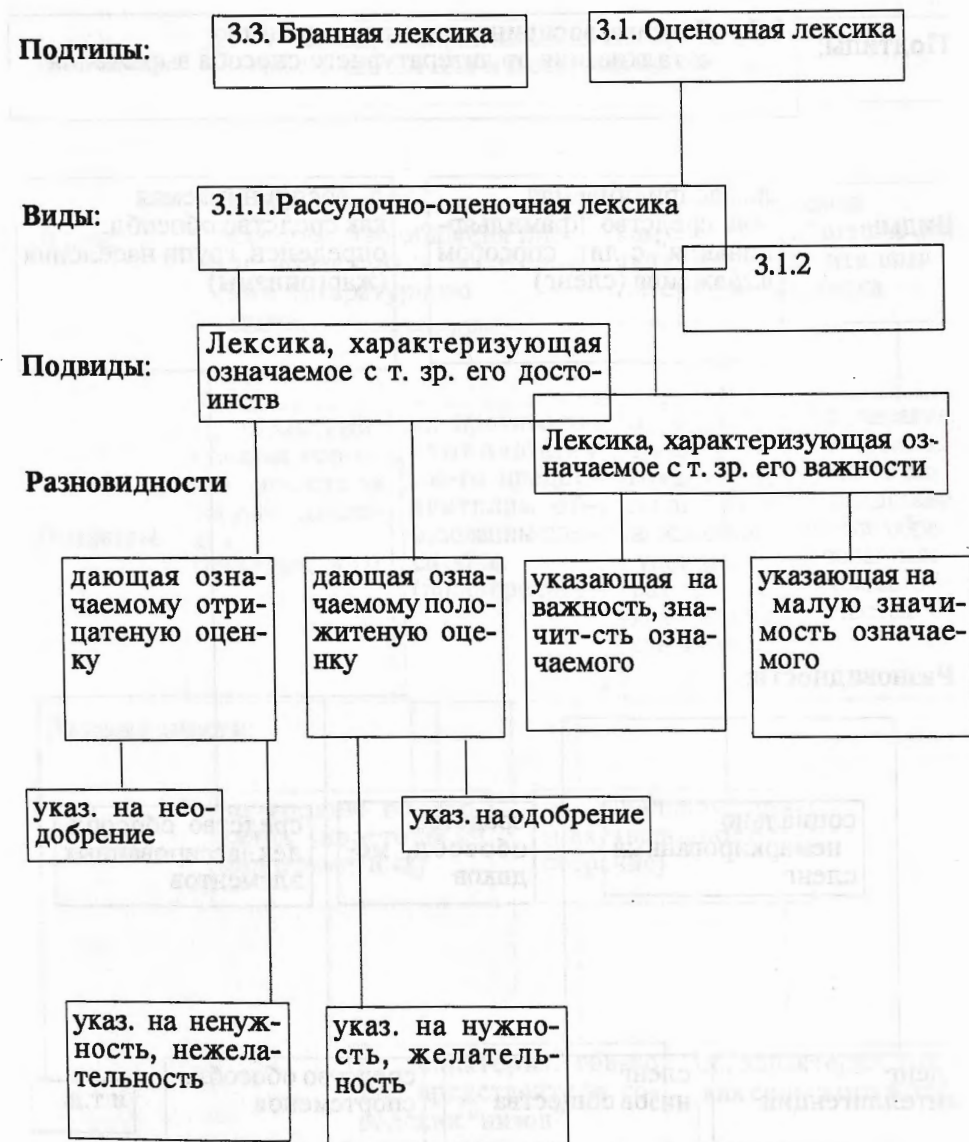

Схема 3 (правая часть)

Тип: Лексика, характеризующая отношение языка коллектива к обозначаемому (экспрессивно-оценочная лексика)

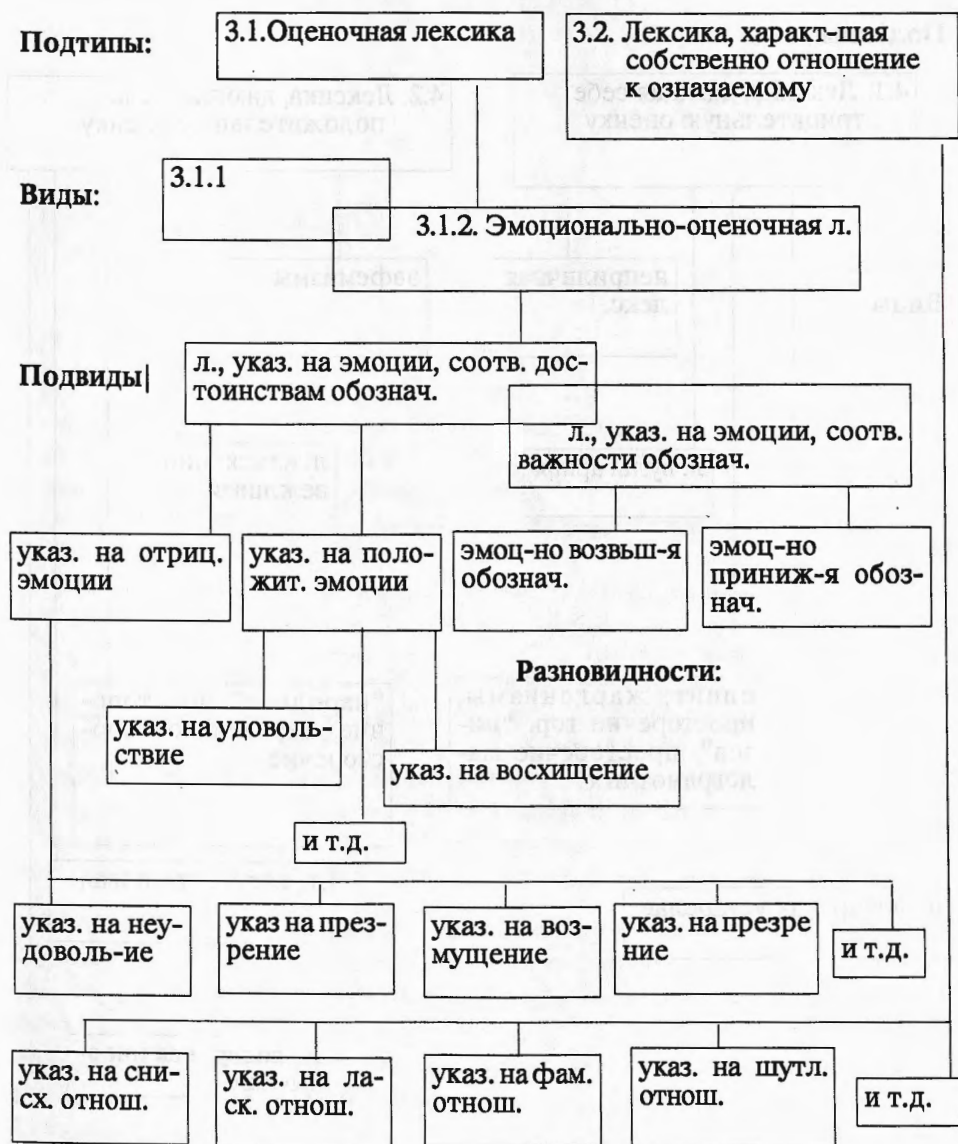

Схема 4

Тип: Лексика, характеризующая отношение яз. коллектива к обозначающему
(эстетически-оценочная лексика)

Подтипы:

4.1. Лексика, дающая себе отрицательную оценку

4.2. Лексика, дающая себе положительную оценку

Виды:

неприличная лекс.

эвфемизмы

л. вульгарная

л. изысканно вежливая

сленг, жаргонизмы, просторечие гор. "низов", просторечие малограмотных

"народное" просторечие, деревенское просторечие

л., воспр. как устарелая

л., воспр. как новая

л., воспр. как иноязычная